

М. Ф. ПАХОМОВА

**СОВРЕМЕННОСТЬ В КАРЕЛЬСКОЙ ПРОЗЕ (ПРОБЛЕМА
КОНФЛИКТА И ГЕРОЯ)**

О новом этапе, в который вступила вместе с жизнью всего народа и наша современная советская литература, в речи, произнесенной на XXI съезде КПСС, выдающийся поэт А. Т. Твардовский сказал: «О... картине нашего сегодня и завтра... хочется сказать чудесными словами Гоголя: «Вдруг стало видимо далеко во все концы света». Это действительно так. Горизонт нашего политического и исторического видения неизмеримо расширился. Именно эта глубокая историческая перспективность великого семилетия... позволяет, даже обязывает, говоря о советской литературе, видеть и осознавать ее роль и назначение в жизни нашего общества на нынешнем этапе в более расширенном плане, чем это было возможно ранее»¹.

Современность наших дней характеризуется невиданным в истории прогрессом во всех областях духовной и материальной жизни советского народа. Воздвигаются гигантские технические сооружения, преобразующие природу, подчиняющие ее человеку. Человечество овладевает природой в ее космических размерах. Сближаются географически отдаленные друг от друга народы, рушатся расовые и религиозные предрассудки вопреки тщетным потугам защитников капитализма. Человечество как никогда прежде делает огромный шаг в будущее. И во главе этого великого движения человечества к невиданному прогрессу идет наша страна, страна, первой вступившая на путь сознательного преобразования человеческого общества по гениальному предначертанию Маркса—Энгельса—Ленина. В советской стране растет человек коммунистического будущего, рождается новый тип гармоничного человека, неведомый еще в истории.

Это обязывает советских литераторов к настойчивым и дерзновенным исканиям в эстетическом освоении современной действительности, к борьбе за подлинно высокое искусство, соответствующее духовному миру современного советского человека. Сейчас уже никто не спорит о самом понятии «современность в искусстве».

В ходе дискуссии о трактовке термина «современность» истина оказалась на стороне тех, кто, тесно связанный с жизнью, с партийных позиций увидел разницу между современной темой в искусстве и современным его звучанием, его актуальностью и таким образом помог преодолеть путаницу в этих понятиях, мешающую ясному определению главного в живом процессе нашей литературы. Сторонники или защитники так называемой «теории дистанции времени» по сути дела ограждали себя от активной борьбы за идеалы современности на передовых позициях идеологического фронта. Неубедительно в этой дискуссии прозвучали

¹ «Правда», 1959, 2 февраля.

выступления некоторых литераторов о праве художника слова создавать произведения на исторические темы, ибо выдвинутое положение о решительном обращении советской литературы к современности ни в коей мере не означало полного отказа от изображения исторического прошлого. Разнообразие тематики, расширение ее — одна из особенностей литературы социалистического реализма.

Современность величественна своими исторической важности свершениями. Воссоздавать ее в ярких художественных образах и картинах — это не только помогать народу в осуществлении прекраснейших идеалов человечества — коммунистических, в воспитании человека будущего, но и оставить память о нашем поистине героическом времени грядущим поколениям, подтверждая гетевский афоризм: «Время преходяще, искусство долговечно». Минуло немногим более трех лет с тех памятных дней, когда проходили горячие обсуждения тезисов выступлений Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», а какой заметный сдвиг произошел в признании современной темы как магистральной темы советского искусства, сколько писателей и поэтов откликнулось на призы партии создать современника! «За далью—даль» А. Твардовского, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Сильнее атома» Г. Березко, «Соль земли» Г. Маркова, «Знакомьтесь, Балуюев!» В. Кожевникова, «Стряпуха» А. Софронова, «Ледовая книга» Ю. Смуула, «Жемчужное ожерелье» Н. Погодина, «Раздумье» Ф. Панферова, «Суровое поле» А. Калинина, «За бегущим днем» В. Тендрякова и многие, многие другие произведения о современности написаны с высоким сознанием общественного долга.

Живой опыт советской литературы, произведения о современности стали центром, вокруг которого развернулись новые поиски литературоведов и критиков, новые дискуссии. Но эти дискуссии носят иной характер, нежели дискуссия, о которой говорилось выше. Предметом литературно-критических споров стали не абстрактные разговоры о понимании термина «современность», а конкретный анализ новых произведений о современности, постановка и решение на сегодняшнем животрепещущем материале проблем новаторства стиля и формы, положительного героя и т. д. По-новому ставятся сейчас многие вопросы художественного отображения действительности в советском искусстве и литературе по сравнению, скажем, с 20—30-ми годами. Однако это не исключает, а предполагает верность основным принципам творческого метода советской литературы — социалистического реализма, определение которого вошло в Устав Союза советских писателей еще в 1934 году. Это со всей очевидностью раскрывается в ходе творческих обсуждений и дискуссий.

Автор настоящей статьи, не претендуя на широкое освещение избранной темы в литературно-теоретическом ракурсе тех проблемных споров, которые были упомянуты выше, пытается установить, как карельские прозаики отображают новое, характерное для жизни советского общества, в какой степени их творчество отвечает высоким требованиям современности.

Поскольку в критике довольно широко рецензировались и обсуждались произведения карельской литературы на современные темы¹, автор прежде всего останавливается на спорных вопросах и проблемах современной карельской прозы.

¹ Т. К. Трифонова. Литературная Карелия. «Дружба народов», 1959, № 8; е е же. За высокое мастерство. «На рубеже», 1959, № 4; В. Иванов. Цветы и бурьян. В сб.: «Карельская литература», Петрозаводск, Госиздат Карельской АССР, 1959; е г о ж е. В поисках героя. «На рубеже», 1959, № 2; А. Хайлов. На пути к лучшему (Раз-

Несколько произведений о современности, которые взяты мною из общего потока сегодняшней карельской литературы, с достаточной убедительностью говорят о значительных переменах, происшедших в карельской литературе за последние годы. Наши разные по художественной манере писатели, освободившись от характерных для карельской литературы недавних лет «лобовых» решений конфликта между новатором и консерватором, от сведения содержания произведения к традиционным описаниям лесозаготовительных работ¹, находятся в поисках решения темы современности через отображение многообразия жизненных ситуаций, через углубление в морально-этические проблемы.

Конфликты художественные карельскими писателями все более осмысливаются в тесной связи с общественными, социальными отношениями, в перспективе движения нашего общества к коммунизму. Углубляется понимание жизненной природы конфликта, будь то производственный или семейный конфликт. В этом трудном, большой сложности деле типизирования жизненного конфликта (факта) в художественный, у наших писателей и, в частности, у наших прозаиков, занимающихся современной темой, есть настоящие удачи. «Воз березовых дров» Ф. А. Трофимова, «Родными тропами» А. Н. Тимонена, «Хозяйка леса» В. Ф. Бабиц, «Залом» и «Летние ночи» П. А. Пертту войдут в историю карельской литературы как свидетельство идейно-художественного роста нашей прозы.

Страстным партийным разговором о современниках, о советском народе и, прежде всего, о передовом отряде трудящегося советского народа — коммунистах — является книга Ф. А. Трофимова «Воз березовых дров».² Ф. А. Трофимов говорит о главном, о тех чертах и качествах коммуниста, которые цементируют единство рядов ленинской партии. Настоящий коммунист, показывает писатель, всегда впереди, особенно в трудных обстоятельствах, в тяжелое время.

Есть в этой книге на первый взгляд незначительный дорожный разговор, происходящий между шофером Федотовым и газетным работником Мироновым. Но незначителен он только на первый взгляд. Слова Федотова в этом диалоге являются выражением авторских позиций в споре о месте человека в обществе.

— Без энтузиазма, видать, к нам, — констатировал Федотов.

— По правде говоря, без энтузиазма.

— Отказывались, поди?

— Было такое дело.

— А если бы на войну?

— Видите ли, товарищ Федотов, есть вещи, которые никак не сравниваются. На войну — это на войну, а в район — это в район.

— Проверка там и проверка тут.

мышления над повестью Веры Бабиц «Хозяйка леса»). «На рубеже», 1959, № 6; В. Ковалев. В защиту зеленого друга. «Нева», 1958, № 3; Д. Нагишкин. Родными тропами. «Литература и жизнь», 1959, 12 августа; К. Чистов. Спор о Вейкко Ларинене. «На рубеже», 1960, № 3; Л. Аннинский. Мы те, которых не бывало прежде. «Литературная газета», 1959, 20 августа.

¹ Речь идет о произведениях первых послевоенных лет, которые были обстоятельно проанализированы Л. А. Виролайнен и К. В. Чистовым в «Очерках литературы Карело-Финской ССР» (Петрозаводск, Госиздат КФССР, 1954), а также в статьях: А. Каравановой. На широкую дорогу. «На рубеже», 1954, № 5; Е. Вечтомовой. Дорога к народному счастью. «Звезда», 1954, № 6; Н. Асанова. Навстречу ветру. «Дружба народов», 1954, № 3; А. Хайлова. Конфликты, характеры и их анализ. «На рубеже», 1955, № 2 и др.

² Ф. Трофимов. Воз березовых дров. Повесть. Петрозаводск. Госиздат КАССР, 1959.

— Видите ли ...

— Проверочка,— перебил Федотов. — Проверочка, товарищ Мионов. Возьмем к примеру, нашего брата, водителя. Так? Ему говорят: «Федотов там или Петров — к черту на рога!» То есть в труднейший рейс. Ну в такой, представьте, что только так и можно сказать: «К черту на рога». Человеку доверие оказано, ему бы руку под козырек: «Есть, дескать, будет сделано». А он давай отказываться. Его всяко уговаривают, он на все манеры ерунду разную про себя наговаривает: слабый, больной, руки, ноги дрожат, пуп не в порядке. За справочкой в медпункт... Отбоярился. Ну, а чего он стоит? Да ни хрена! Всем это видно. Стоит на народе голенький, с головы до самых пяток проверенный. И чем? Никакой не войной. Одним рейсиком. Вот она проверочка-то...¹

Интеллигент Мионов поначалу протестует против того, что обком партии переводит его на работу из столицы республики в район. Назначение на должность редактора районной газеты он воспринимает как умаление его способностей.

Потребовалась нелегкая борьба с самим собой, пока, наконец, он понял то, что так ясно простому бывалому шоферу Федотову. Трудно по культуре и образованию равняться Федотову с Мироновым, но партийность его осознаннее, глубже.

Повесть Ф. А. Трофимова «Воз березовых дров» раскрывает одно из сложнейших противоречий между интересами личности и общественными интересами нашего времени, показывает, как живая действительность изменяет, казалось бы, уже навсегда сформировавшиеся взгляды человека.

Ф. А. Трофимова как писателя характеризует ярко выраженная тенденциозность. Писатель ведет открытый, прямой, горячий, от души идущий разговор о человеческой ценности, видит в жизни то ведущее и сильное, что во многом определяет сегодня облик советского человека.

История Платоновой позволяет автору показать коммуниста, переживающего несправедливое исключение из партии. Сложно переплелось все в жизни этой женщины. Любимый муж стал пьяницей и расточителем государственных средств. Стараясь сберечь его от грозящего позора, она внесла деньги за сделанную им растрату. Это тоже было обращено против нее Евсеевым, приспособленцем, использовавшим партийный билет в карьеристских целях. Но Платонова устояла. В ней автор подчеркивает силу и стойкость коммуниста, верящего в торжество партийной справедливости. Платонова с головой уходит в заботы о колхозной ферме, куда ее перевели с должности счетовода. Всеми силами она стремится поднять разваленное бесхозяйственностью председателя колхозное животноводство. Душевная открытость, прямота, доходящая порой до резкости, и постоянное беспокойство за порученное дело, пусть самое незначительное и будничное,— эти качества отличают Платонову.

Борьба за новые позиции в любой области человеческой жизни всегда сложна, она встречает более или менее осознанный и в зависимости от этого разной степени активности протест людей, живущих по инерции сложившихся традиций и привычек. Эта истина глубоко понята Ф. А. Трофимовым. Сложность жизненных противоречий, трудность, с которой преодолеваются эти противоречия,— одна из постоянных тем писателя. Даже в повести «Наша лесная сторона»², повести когда-то в основном справедливо раскритикованной в республиканской печати

¹ Ф. Трофимов. Воз березовых дров, стр. 31—32.

² Ф. Трофимов. Наша лесная сторона. Повесть. Петрозаводск, Госиздат КФССР, 1950.

за схематизм сюжета, обедненность характеров и языка, Ф. А. Трофимов избрал для раскрытия конфликта между новатором и консерватором коллизию жизненную и своеобразную.

Директор леспромхоза Тихонов оказывается консерватором не в силу своего невежества, упрямства, незнания жизни, а как это ни парадоксально, вследствие хорошего знания производства и честного отношения к работе. Он выступает против молодого инженера Парамонова и поддерживающего его Никифорова не потому, что вообще против нововведений, а потому, что в данном случае нововведение (замена лучковых пил электропилами) неизбежно временно приостановит темпы работ, затормозит производство. Взвесив все, Тихонов убеждается в своей правоте. Его охватывает чувство горечи. «Не понимают люди,— что не трусость, а честное исполнение долга заставляет его — директора быть сдержанным относительно многих — весьма прекрасных, но пока еще будущих дел. Страшнее не идти со всеми, чем бороться против всех! Накопить силы — вот что нужно леспромхозу... Не спешить пока. Вот правильное решение дела!»¹ — размышляет он, оставшись в полном одиночестве в защите старых методов труда.

Он считает своим долгом предостеречь парторга и инженера от поспешных решений. Но, видя, что они осуществляют нововведение вопреки его воле, становится мнительным. Не понимая потребностей времени и носителей нового, не умея взглянуть на дела своего леспромхоза с широких позиций жизни и растущих потребностей общества, Тихонов превращается в узкого делягу-консерватора. Тихонов обвиняет парторга Никифорова в личной неприязни к нему, а молодого инженера Парамонова в желании добиться повышения. Ослепленный негодованием, он говорит Парамонову то, что никак не соответствовало истине: «...вы ставите опыты, а не работаете. Власти вам хочется...»².

В образе Тихонова автор воплотил тип человека, надеющегося не на свои знания и коллектив, а на силу времени. Известный советский писатель М. М. Пришвин о людях, подобных Тихонову, писал: «Когда в жизни своей мы приходим к необходимости решения трудного вопроса, некоторые (большинство) обращаются к книгам или ищут совета. А некоторые поступают так: не решают трудного вопроса, а терпеливо доживают до его решения»³.

Размышления Ф. А. Трофимова над этим вопросом интересны.

«Мы не можем, не имеем права закрывать глаза на то, что среди нас есть люди, которые боятся новых дел потому, что тяготеют к проторенным дорожкам, которые страшатся трудностей нового пути. Они не отрицают нового, так как это слишком глупо, но используют любой предлог, чтобы жить по старинке»⁴, — в этих словах парторга Никифорова заключена главная идея повести «Наша лесная сторона».

Некоторые критики, не поняв замысла автора и не рассмотрев истинной природы конфликта повести «Наша лесная сторона», резко осудили ее за то, что в ней якобы нет жизненных конфликтов.

Конечно, эти критики правы, что повесть не свободна от недостатков, схематичности, в ней немало нехудожественных страниц, но, бесспорно, конфликт и характеры выражают собой реально существующие общественные противоречия. Я не согласна с утверждением, например, Ю. Когина, что в основу повести «Наша лесная сторона» положен

¹ Ф. Трофимов. Наша лесная сторона, стр. 79.

² Там же, стр. 95.

³ М. Пришвин. Глаза земли. М., «Сов. писатель», 1957, стр. 183.

⁴ Ф. Трофимов. Наша лесная сторона, стр. 77.

мелкий конфликт, который мало способствует правдивому изображению живых, человеческих характеров¹. Главным героям повести Трофимова не хватает той полноты жизни, той художественной полнокровности, которая делает героя для читателя реально осязаемым и живым человеком. И в этом прав Ю. Когин. Одна из причин худосочности большинства героев этой повести Трофимова в излишней прямолинейности решения конфликта.

Но из всего этого вовсе не вытекает то, что приписал повести «Наша лесная сторона» и ее автору Ю. Когин, по сути дела ополчившийся на авторский выбор конфликта.

Уместно об этом вспомнить, говоря уже о новом периоде карельской литературы, в сравнении с тем периодом, когда писались и повесть «Наша лесная сторона» и статья «Тенденция и характер», не только потому, что статья вторично и совсем недавно увидела свет уже в сборнике «Карельская литература»² и этим как бы узаконила неверный взгляд на природу конфликта в повести Трофимова.

Уместно об этом напомнить еще и потому, что, борясь с конфликтами нежизненными, искусственно созданными, далекими от реальных противоречий, как равно и с прямолинейно изображенными трафаретными коллизиями между новатором и консерватором, критики подчас, подобно Когину, объявляют вообще нереальным конфликт новатора с консерватором, отбрасывают его, в то время как конфликт этот далеко не изжил себя. Художественное познание и раскрытие природы этого конфликта, проявляющегося в жизни чрезвычайно разнообразно, способствует росту нового, прогрессивного и гибели старого, отжившего.

Нетерпимость к консерватизму, как и строгая любовь к людям, чувство личной ответственности за дело характерны для большинства советских людей, но особенно сильно эта черта проявляется у людей прямых, инициативных, обладающих неукротимой волей.

К таким сильным характерам из галереи героев, созданных карельскими писателями, относятся не только Платонова («Воз березовых дров»), но и героиня повести «Хозяйка леса».³

Самоцветова — человек большой нравственной чистоты и честности. Не все понимают то упорство, с которым Самоцветова борется со сложившейся практикой работы на лесопунктах, борется, не жалея сил, за лесовозобновление и лесонасаждение. Бывший лесничий видит в этом желание выслужиться перед начальством. Другие просто обвиняют ее в нетактичности, грубости, невоспитанности.

Правомерно ли типизировать такие характеры, как Самоцветова? Или, может быть, правы те, кто увидел авторский произвол в противопоставлении ее воли и устремлений другим героям, кто считает недостатком повести то, что Самоцветова слишком одинока и слишком возвышается над окружающими?

Если исходить не из предвзятых схем и штампов, а из тех жизненных противоречий и конфликтов, которые естественны при движении нашего общества к высшим формам своего развития через преодоление инерции старого, то очевидно, что такое временное «возвышение над окружающими», такое временное противопоставление носителя нового старому, уже отжившему, но еще привычному для большинства людей, — правомерно. Это не означает, что такое противопоставление обязательно, но оно возможно и в жизни еще встречается.

¹ Ю. Когин. Тенденция и характер. «На рубеже», 1954, № 2, стр. 59.

² Ю. Когин. Тенденция и характер. В сб.: «Карельская литература». Петрозаводск, Госиздат КАССР, 1959, стр. 216—233.

³ В. Бабич. Хозяйка леса. Повесть. Петрозаводск, Госиздат КАССР, 1959.

В условиях социалистического общества, где нет антагонистических классов, конфликты между новым и старым меняют свою природу, имеют другое качество, но они остаются.

В ряде произведений карельских писателей жизненный конфликт между новым и старым поставлен и решен убедительно и интересно, и, естественно, героями таких произведений являются инициаторы, пионеры нового, которые в проведении в практику своих новых предложений порой временно оказываются либо одиночками, либо почти одиночками. Но в этой борьбе с устаревшим, косным, ставшим уже по сути дела вредным в общественно-трудовой жизни, новое, передовое всегда в нашем обществе, рано или поздно, побеждает. Наличие этой перспективности обязательно, ибо это есть отражение объективных закономерностей развития советского общества.

Хозяйка леса не остается одна, она — тот передовой человек, за которым идут массы, которого вынуждены поддержать косные руководители, если они хотят быть руководителями.

И в «Хозяйке леса» и в романе «Родными тропами»¹ ставятся проблемы морального облика советского человека. Однако если автор «Хозяйки леса» идет в решении этой проблемы через раскрытие остро поставленного производственного конфликта (противоречия, существовавшие между леспромхозами и лесхозами), то А. Н. Тимонен решает названную проблему в общем плане — в плане столкновения социалистического гуманизма и пережитков старой морали (эгоизма, паразитизма, приспособленчества и пр.)

Вейкко Ларинен — герой романа «Родными тропами» — честно и смело боролся на фронте во время Великой Отечественной войны, защищая свою советскую власть, завоеванную в 1917 году ценой жизни революционеров, в числе которых был и его отец.

Вейкко Ларинен честно и самоотверженно трудился на всех участках народного хозяйства, куда его посылала партия. Так же Вейкко трудился и на строительстве, когда неожиданно в силу сложившихся обстоятельств (неполадки на строительном участке, где он был прорабом) и умышленной клеветы трусливых, использовавших в своих корыстных целях эти обстоятельства людей (инструктора райкома партии Лесоева, начальника стройуправления Нятинена и др.), он был обвинен в преступлении перед коллективом, обществом в хищении государственных средств.

На заседании райкома партии, полный обиды и негодования против несправедливых обвинений, предъявленных Лесоевым, Вейкко не смог защитить себя и оказался отстраненным от работы и исключенным из партии.

После пересмотра дела Вейкко восстанавливают в партии и по его просьбе назначают председателем колхоза в родной деревне Кайтаними.

Держа в руках партийный билет, «тот самый, с которым ему пришлось расстаться весной», Вейкко думает: «Все эти месяцы билет пролежал где-то в холодном железном сейфе. Но место партийного билета не в сейфе, а во внутреннем кармане пиджака, на груди, где его согревает сердце... Да, он хорошо помнил, какие муки пережил он весной... А подумали ли сегодня об этом члены бюро... Люди, которым доверено решать судьбы членов партии...»²

¹ А. Тимонен. Родными тропами. Роман. Петрозаводск, Госиздат Карельской АССР, 1958.

² А. Тимонен. Родными тропами, стр. 231—232.

История Вейкко позволяет автору раскрыть истинное лицо тех, кто, прикрывшись партийным билетом или создавая видимость честного отношения к труду, наносит ущерб государственному делу и советским людям. Автор разоблачает в образе Лесоева дельца «бумажной честности», за фактами не видящего человека, не верящего ни себе, ни людям. Автор протестует против «честности» председателя Кюнтиева, противопоставившего себя всем другим членам колхоза чудовищным недоверием к людям.

Писатель своим произведением говорит, что такие люди, как Лесоев, Кюнтиев и им подобные не должны быть руководителями, им нельзя доверять руководство учреждениями, предприятиями, колхозами, так как нельзя отдавать в их руки судьбы людей.

«Родными тропами» — произведение о доверии к человеку, о чутком и гуманном отношении к людям. Именно в этой сфере не должно быть равнодушия, не должно быть в нашем советском обществе людей, наносящих непоправимые раны в сердца честных тружеников.

Эта гуманистическая мысль лежит в основе авторских размышлений об отношениях людей друг к другу и в семье, в любви. Автор развенчивает (правда, очень прямолинейно) Роберта как слабовольного, эгоистичного и бездумного фразера, опасного для честных и доверчивых людей. Роберт ранил душу чистой и серьезной Нади, так жестоко пострадавшей от излишней доверчивости, а может быть, просто от еще почти детской наивности, которая характерна для нее. Низость поведения Роберта вызвала в ней недоверие вообще ко всем мужчинам. Видя счастливую пару, плывущую на лодке по реке, сказочно красивой в лучах заходящего солнца, Надя мысленно обращается к девушке: «Не верь им!»

Из-за Роберта страдает Вейкко Ларинен.

Личная драма Вейкко, его неизменная, глубокая любовь к женщине, легкомысленно изменившей ему в трудное для него время, открывают внутренний, нравственный мир героя, цельного, чистого и одновременно сильного, готового всецело оправдать Ирину, взять вину за разрушенную семью на себя. Раскрытие интимной жизни Вейкко приносит в роман особую эмоциональность. Вместе с автором читатель хорошо ощущает душу этого простого человека, скромного и чуткого, умеющего побороть горе, нахлынувшие на него беды. Благодаря раскрытию этой стороны жизни героя обаяние Вейкко, цельность его характера передается автором не навязчиво. Но психологическое раскрытие характера Вейкко, к сожалению, обеднено банальной историей с роковым соблазнителем (Роберт) и его несчастной жертвой (Ирина). Здесь автору явно изменило художественное чутье.

В романе Ирина опозтизирована, несмотря на ее духовное убожество. Всей логикой развития своей героини (а ей посвящено шесть глав) автор, не замечая, очевидно, этого, раскрывает ничтожность ее интересов, эгоистичность желаний. Ее увлекает атмосфера, в которой живет Роберт. Ее интересы не идут дальше ресторана, веселой компании, комфорта. Ей скучно в маленьком городке, она с досадой вспоминает свое увлечение художественной самодеятельностью. Ее манит внешне эффектная жизнь певицы.

Поэтизация Ирины была бы оправдана и убедительна, если бы автор наделил ее действительно сложным внутренним миром, показал душевное богатство, ее высокие запросы и интересы. Однако подобного проникновения в романе нет, а семейный конфликт развивается по давно знакомой литературной схеме, не вызывая у читателя к героине никакого сочувствия.

Концовка романа «Родными тропами» психологически верна. Она напоминает читателю о душевных ранах Вейкко, нанесенных ему совершенно несправедливо. Но здесь опять-таки проявилась художественная нечуткость автора. А. Тимонен вложил слова, полные глубокого смысла: «Смотри, Вейкко, и есть же на свете жестокие люди! Кто-то ударил топором по нашей березке!»¹ — в уста Ирины, которая в сущности и подняла его руку на березку. Разве не находится это в противоречии с ранее убедительно написанными строками о том, как и почему Вейкко нанес удар по дорогой для них березе, и позже о том, как он с болью вспоминает об этой березе со следом глубокой раны. «И если эта береза останется расти,— думает Вейкко,— она запомнится им на всю жизнь!»²

Тема, поднятая автором романа «Родными тропами»,— тема большого значения. Раскрывая судьбы своих героев, писатель заставляет читателя задуматься над тем, какие могут быть серьезные последствия для честного человека, если пренебрежены принципы социалистической этики, основанной на вере в человека. Лесовевы, Кюнтиевы еще живут в нашем обществе, и писатель вправе об этом сказать. Но это также требовало от писателя особенной точности, определенности, мотивировки поведения и характеров избранных героев. Автор обязан был не только показать этих отрицательных героев, но и вскрыть, объяснить, откуда же берутся подобные люди в нашем социалистическом обществе, почему они не только существуют, но подчас решают судьбу честного человека. Тимонен не попытался раскрыть этого, более того, в романе не показано, кто активно противостоит носителям всякого рода моральных пережитков.

Поставив в центр внимания Вейкко,— героя с своеобразным характером и жизненным поведением, честным и чистым, и настолько уверенным в своей правоте и победе справедливости над ложью и неправдой, что даже не пытающемся активно, горячо и страстно бороться за эту справедливость против нечестных людей, оклеветавших его и наносящих ущерб советскому обществу, автор не показал в своей книге ни одного такого положительного героя, который бы был не только носителем социалистической справедливости, но и борцом за нее.

Вейкко Ларинен, Кемов, Надя Карпова — все это положительные герои, и все они имеют свои слабости и ни один из них не может подняться в силу этих слабостей до той идейной высоты и коммунистической нравственности, которая возвышает Павла Корчагина, Павла Власова — героев, ведущих вперед, помогающих людям подняться выше, делаться чище. Таких героев, которые бы «силой великой души человека сумели подняться над сетью мелких обид и привычек», какими являются и Алексей Краюхин — герой книги «Соль земли» Г. Маркова и карельский помор-коммунист Сутулов — герой романа-сказки «Осударева дорога» М. Пришвина, в книге «Родными тропами», к сожалению, нет.

Но ведь все дело в том, что в романе «Родными тропами» — книге о доверии и социалистической гуманности — принципиально не место той нотке «жалостливости», которая проскальзывает и в истории с Вейкко, и в истории с Ириной, и в истории с Надей, утверждается некая пассивность героев, так как их несчастья, как явствует из книги, происходят исключительно из-за излишней доверчивости к людям, среди которых встречаются и нечестные.

На мой взгляд, именно недостаточность идейно-психологических мотивировок привела к этой неполноценности книги А. Тимонена, инте-

¹ А. Тимонен. Родными тропами, стр. 252.

² Там же, стр. 175.

ресно задуманной как книги о взаимоотношениях людей в советском обществе.

Поступки и действия героев, их участие в конфликте во многом определяют решение той главной идейно-художественной задачи, ради которой автор пишет произведение.

Однако в раскрытии мировоззренческих позиций автора играет немаловажную роль и то, насколько активно писатель выражает свои позиции в художественном произведении.

В новой книге О. Ф. Берггольц «Дневные звезды» со всей страстностью писателя-коммуниста подчеркнута необходимость создавать книги, в которых бы «коммунистическая пропаганда—проповедь была прежде всего действенной передачей личного душевного и жизненного опыта, приобретенного в общенародной борьбе за создание нового, справедливого общества, настойчивым внушением читателю той большой правды жизни, которую лично постиг писатель»¹ (разрядка моя.— М. П.).

Недостаточная глубина в разработке морально-этических проблем, поставленных в романе, приглушенность авторского голоса в той борьбе, которую ведут герои на страницах романа «Родными тропами», породили прямо противоположные толкования критиками и замысла писателя, и его художественного воплощения. При этом центром споров стал главный герой романа Вейкко Ларинен. Н. Соколова увидела в Вейкко Ларинене «человека сильного, принципиального и зубастого» и поэтому сочла его поведение на заседании партбюро не чем иным, как неестественным для Вейкко «непротивлением», навязанным автором для «усугубления тяжелого положения своего героя»². А. Левитина, напротив, считает, что «Вейкко держится на заседании партбюро райкома именно в соответствии с индивидуальными особенностями своего характера»³. В. Иванов поставил под сомнение правомерность выбора такого героя, как Вейкко, в качестве положительного героя современного романа ввиду того, что он не проявляет должной активности, «уклоняется от острых схваток, молчаливо взирает на несправедливость, не вступает в бой с людьми, порочащими звание советского человека»⁴, что он не борец, «ему недостает той действительности, которая могла бы сделать его настоящим героем»⁵.

В. Иванов заявил о существенных просчетах в самом замысле автора романа «Родными тропами». К. Чистов, защищая авторский выбор героя в романе «Родными тропами», утверждает, что в борьбе нашей литературы за коммунистического человека очень важен именно тот принцип изображения развития и душевного обогащения героев, который избран А. Тимоненом. Герой «Родных троп», по его мнению, настоящий, «не идеализированный, парящий в облаках положительный герой, и не герой, приземленный за счет «ущербности» или нарочито приписанных ему «недостатков»⁶.

Таким образом, спор о герое романа «Родными тропами», его правдивости, полнокровности, жизненной достоверности, перешел в дискус-

¹ О. Ф. Берггольц. Дневные звезды. «Роман-газета», 1960, № 15 (219), стр. 12.

² Н. т. Соколова. Труд есть борьба (Письма старому товарищу об «индустриальном» романе). «Дружба народов», 1958, № 8, стр. 224.

³ А. Левитина. Характер в романе. «На рубеже», 1959, № 4, стр. 149.

⁴ В. Иванов. В поисках героя. Литературные заметки. «На рубеже», 1959, № 2, стр. 163.

⁵ В. Иванов. Цветы и бурьян. Литературные заметки. В сб.: «Карельская литература». Петрозаводск, Госиздат КАССР, 1959, стр. 142.

⁶ К. Чистов. Спор о Вейкко Ларинене. «На рубеже», 1960, № 3, стр. 120—122.

сию о путях и способах изображения героя современности в произведениях литературы социалистического реализма.

Многообразие человеческих судеб, характеров в советском обществе само по себе требует от писателя не ограничиваться выбором какого-то однотипного героя, пусть то будет героическая личность или обыкновенная, «со всяческой требухой», но позволяющая раскрыть определенные черты данной исторической действительности. С этой точки зрения А. Н. Тимонен нисколько не погрешил против принципов метода социалистического реализма, сделав своим героем Вейкко Ларинена, со всеми его слабостями, не позволяющими стать героем настоящим, героичным в полном и глубоком смысле этого понятия. В споре о Вейкко Ларинене, как характере, думается, более правы те, кто увидел в нем живого человека, поступающего всегда не очень напористо, инициативно, отличающегося излишней доверчивостью (не только ради смеха автор вводит анекдотичный случай Вейкко с «портным!»). Да, Вейкко Ларинен в силу своего темперамента мог поступить именно так, как он поступил на заседании партбюро, в его поступке нет ничего противоречащего его психологическому складу. Главный герой «Родных троп» целен художественно, создавая его, автор добился той «физической осязаемости», которая характеризует полнокровные реалистические образы.

Но если рассматривать образ Вейкко Ларинена в свете проблемы положительного героя нашего времени, героя, концентрирующего лучшие качества советского человека, коммуниста 50—60-х годов, и вести спор уже не об образе Вейкко, а о выражении в «Родных тропах» идеалов современности, то оказываются более правы критики, увидевшие основной недостаток книги А. Н. Тимонена в снижении высокой нравственной атмосферы нашего сегодня. Вейкко Ларинен еще не дорос до «настоящего героя». Вот почему он и на заседании партбюро держал себя так же неумело, как в жизни. Он не только не может защитить себя, но в ответственный момент теряется перед явной ложью Лесоева и Нянтинена.

Автор романа должен был оттенить эту разницу между своим героем (Вейкко) и героями более сильными, целеустремленными, волевыми, которые не поступятся своей идейной убежденностью, а будут страстно и последовательно защищать справедливость в любых обстоятельствах, в малых или больших спорах. Этого А. Тимонен не сделал, и вот поэтому хочется присоединиться к общему выводу В. Иванова, писавшему, что, очевидно, в самом замысле были серьезные просчеты.

Значительность, масштабность настоящего героя нашего времени в художественном произведении любого замысла не должна утрачиваться, не должна заменяться некоей нивелировкой. Мол, все герои, раз это советские люди, хороши и одинаковы. Разве не к этому выводу подводит К. Чистов в своей статье, оспаривая справедливое замечание В. Иванова о пассивной позиции Ларинена. «Он (Вейкко.— М. П.) уверен в своей правоте, не склонен к истерике,— пишет К. Чистов,— потому что он скромный, трудолюбивый, наконец, он имеет дело с советскими людьми, верит им и не имеет основания не верить. Допустимо ли все это называть презрительным словом «пассивность»? В. Иванов, ссылаясь на роман Вс. Кочетова «Братья Ершовы», забывает о том, что ситуация в романе А. Тимонена совершенно иная. В «Родных тропах» герою противостоят не отпеты и прямые враги, а временные обстоятельства, которыми пытаются воспользоваться карьерист Нянтинен и формалист Лесоев»¹. Нет,— возразим мы на это К. Чистову,— партийная этика, а не какие-то другие

¹ К. Чистов. Спор о Вейкко Ларинене, стр. 119.

обстоятельства, отличные от обстоятельств, в которых находится Вейкко Ларинен, заставила как Платона Ершова, так и Алексея Краюхина горой встать за справедливость, за дело, которое могут погубить. А Вейкко Ларинен, проявляя странную «выдержку», ждет, когда все само собой или с помощью других уляжется. В тех обстоятельствах, в каких оказался Ларинен, коммунист не может отмалчиваться и думать только о себе, как это с ним случилось на заседании бюро райкома партии, не может просто ожидать решения вопроса, а должен решительно разоблачать Няйтиева, Пянтиева и других, являющихся истинными виновниками неблагоприятного состояния дел на строительном участке. Коммунист не имеет права отмалчиваться, как это случилось с Вейкко.

К действенной критике недостатков, защите справедливости обязывает его партийная этика. Ведь и Алексей Краюхин не сумел себя защитить перед членами бюро райкома (и ему противостоят не «отпетые враги», а советские люди!), но дело он защищал. После заключительного слова первого секретаря райкома партии Алексей Краюхин с полным достоинством и верой в дело, которому он посвятил свою жизнь, говорит: «Я знаю, что своими словами не изменю вашего решения, но тем не менее я выскажусь...— Артем Матвеевич говорил здесь о государственном плане. И говорил неправильно...»

— Вот Артем Матвеевич сказал здесь: «Краюхин забегает вперед, он оторвался от масс». А я думаю так: райком плохо знает настроения людей. Десятилетия люди Улулюля вынашивают мечту об использовании природных богатств края в интересах всего народа. Не законно ли поставить вопрос: а не отстают ли райком от стремлений народа?

— Ты смотри, как он с нами разговаривает! Так и в обкоме с нами не говорят! Можно подумать, что это он нас поставил к руководству, — возмутился Череванов.

— На ваш пост, товарищ Череванов, не претендую, а говорю прямо и откровенно потому, что считаю себя коммунистом, невзирая на то, что вы этого не признаете¹.

В выборе героя выражается одно из проявлений меры понимания автором эстетических задач времени. Чтобы создать выдающееся произведение искусства социалистического реализма, необходимо понимание современной жизни советского общества как героического деяния во имя коммунизма.

«Сегодняшний герой, — как правильно сказал Сурков, — это человек, который действует инициативно и напористо, который постоянно проверяет свои решения и действия практикой жизни, которому ненавистны поэтому всякая косность и рутина, так как именно такой герой реально воплощает сегодня ленинизм в действии — «стиль работы и мышления», культивируемый ныне партией и ее ленинским руководством².

Я не склонна давать автору «Родных троп» какие-то «рецепты» по усилению мотивировок, выражающих его собственные идейно-художественные позиции, его эстетический идеал, как это сделали уже критики. Оговорю только, что это могло проявиться многогранно: и через усиление авторского голоса, и через углубление характеров героев, и, наконец, через художественное сопоставление Вейкко с настоящим героем-борцом нашего времени. Вспомним признание Н. Г. Чернышевского: «Не покажи я фигуру Рахметова, — писал он, — большинство читателей сбилось

¹ Г. Марков. Соль земли. «Роман-газета», 1960, № 7 (211), стр. 24—25.

² А. Сурков. Задачи советской литературы в коммунистическом строительстве. Доклад на III съезде писателей СССР. Стенографический отчет. М., «Сов. писатель», 1959, стр. 18.

бы с толку насчет главных действующих лиц моего рассказа...»¹. Писатель вправе взять любого героя, наиболее соответствующего замыслу, но в то же время в произведении всегда должна содержаться авторская оценка героя с точки зрения его реальной общественной значимости.

Карельская критика справедливо отмечала, что конфликт повестей П. Пертту решается в морально-нравственном, психологическом плане². Конфликт его повестей не лежит на поверхности. Писатель раскрывает его как бы подспудно. За проявлением характера в самых обычных житейских обстоятельствах автор стремится увидеть и показать читателю борьбу между новыми передовыми взглядами и нравственными принципами и старыми, отжившими. Как в своей повести «Залом», так и в повести «Летние ночи»³ П. Пертту заставляет следить за тем, как в процессе трудовой деятельности, в быту, в любви, в отношении к самым различным сторонам общественной и личной жизни, раскрываются люди, их характеры, их взгляды на жизнь. Это и есть развитие конфликта его повестей. Пертту обладает искусством открывать поэзию в будничном. Он пишет об отдаленных от культурных центров карельских деревушках и лесных поселках.

Перед читателем повестей П. Пертту встают очень простые, внешне ничем не примечательные, но по-настоящему хорошие люди — трудолюбивые, отзывчивые, смелые и мужественные. Проникновение в психологию героев, прекрасный народный язык, передающий особенности карельского характера; описание родной природы создают неповторимое очарование.

В повести «Залом» П. Пертту показывает, какими прекрасными качествами обладает буднично простой с виду Юрки, как побеждают в нем черты человека новой морали. Юрки Семенов искусный сплавщик, о нем на рейде с похвалой и гордостью говорили, что он «крепко стоит на бревне», ему выдавали премии, о нем писали в газетах, и он с гордостью оберегал свое право быть первым среди сплавщиков Карикоски. Однако Юрки не только из-за трудовой гордости оберегал свою славу, — «многие парни знали, как велико его самолюбие». Самолюбие Юрки оказалось тем слепым чувством, которое, разрастаясь, заслонило от него и товарищеское отношение окружающих и искреннюю любовь Тани, девушки стеснительной и робкой. Он оказался вне коллектива.

Произошло это очень неожиданно для самого Юрки.

Его, как наиболее опытного и смелого, хотя и молодого сплавщика, назначили на самый опасный участок сплава вахтенным. Но так как обычно в качестве вахтенных ставили менее опытных юношей или стариков, которые уже потеряли ловкость и сноровку, он счел это за личное оскорбление. Чувство обиды, оскорбленного самолюбия заслонило от Юрки истинный смысл этого назначения, он пренебрег им, и чуть не погубил все дело сплава. За это Юрки со всей строгостью был осужден на комсомольском собрании. Самолюбие не позволило ему и здесь признать себя виновным. Тяжело переживая ложное положение, в которое он сам себя поставил, Юрки сближается с Роопе — человеком индивидуалистического склада, видящим смысл жизни в полной свободе от каких-бы то ни было обязанностей по отношению к коллективу.

Оказавшись на лесной реке Лоухипуро наедине с Роопе, Юрки вдруг понял всю пропасть, которая отделяла его от Роопе:

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XI. М., Гослитиздат, 1939, стр. 228.

² Т. Сумманен. Повести П. Пертту. «На рубеже», 1957, № 6; А. Хурмеваара. О национальной специфике литературы. В сб.: «Карельская литература». Петрозаводск, Госиздат КАССР, 1959.

³ P. Perttu. Ruuhka. Kertomuksia. Petroskoi, 1957.

«Неужели, действительно, он сам отпугнул от себя всех? На собрании винили только его. Хотя Роопе и говорит, что плевать на все, но Юрки не может этого сделать. Тогда пришлось бы жить отшельником, всегда только с самим собой, потому что Роопе не может стать его настоящим товарищем. Он не в состоянии заполнить собой то пустое место, которое образовалось от потери всех друзей. Роопе живет прошлым. Это его мир. А для него, Юрки, именно сегодняшний день с его делами, товарищами — ближе и дороже всего. От этого невозможно отречься...»¹

Любовь Юрки к Тане помогает раскрыть писателю потаенные сдвиги в мыслях и чувствах своего героя. Моральные требования этой хрупкой и незащищенной на вид девушки заставляют Юрки глубже осознать свою неправоту. Его мысли об уважении не только своего, но и чужого достоинства, о чистоте человеческих отношений навеяны именно общением с Татьяной. Его поражала Таня тем, что «не только оберегала свою любовь, но и была способна бороться за нее». В Юрки все более побеждают те нравственные качества, которые привиты советским обществом, советским коллективом и которые уже нельзя изменить никому, никаким Роопе.

Без всякой риторики и ходульности Пертту добивается предельно точного выражения своих авторских мыслей о победе новых черт, которые воспитывает советская действительность в человеке. Чистота нравственного чувства никогда не изменяет писателю. Этим чувством пронизан и эпилог «Залома»:

«Утро было удивительно красиво. Солнце со всей силой сияло над порогом, река блестела в золоте, бегущие вниз пенные шарики казались огненными. Было очень тихо. Ни один лист не шелохнется. Многоголосый гам птиц в прибрежном лесу состязался с шумом порога. Высоко в небе парил ястреб.

Мог ли кто-либо в это утро не петь! И вот уже раздалась над карельским лесом русская песня о калинушке...»²

Образы природы придают авторскому повествованию художественную зримость, подчеркивают безусловную одаренность автора, вскормленного карельской землей, ее народом и народной поэзией. Образы природы помогают глубже выявить отношение героев к жизни, а писателя к героям — рядовым советским людям, нашим современникам. Так же, как бесконечно красивы озера, реки, леса и поля родной писателю карельской земли, так же безмерно красивы простые труженики, живущие на ней. Природа и человек-труженик дороги для Пертту как олицетворение красоты советской Родины.

Далеко в карельских лесах затерялась деревушка Аласярми. Немногочисленно ее население. Война многих похоронила, многих навсегда переселила в города и села огромной нашей страны. Молодежь неохотно возвращается в родную деревню после окончания техникумов, вузов, остается в городах. А в колхозе острый недостаток в людях, в специалистах.

Перед студентом Антти, приехавшим после долгих лет отсутствия в Аласярми к своей матери на каникулы, встает трудный жизненный вопрос: как ты должен поступить в свои двадцать лет — уехать ли навсегда из этой маленькой далекой карельской деревушки или остаться в ней, покинув город, со всеми его удобствами, ставшими привычными?

¹ P. Perttu. Ruuhka, стр. 36.

² P. Perttu. Ruuhka, стр. 56.

Этот вопрос вызван не самоанализом и раздумьями Антти — человека весьма поверхностной культуры и образования. Он возник под влиянием той колхозной молодежи, которую еще совсем недавно Антти ставил неизмеримо ниже себя. Пылкий ум, устремленность в будущее, непреклонная воля, физическое и духовное здоровье, жезнерадостность характеризуют эту сельскую молодежь. Ее жизнь и идеалы кажутся теперь Антти гораздо более значительными, высокими, нежели то, о чем он мечтал до приезда в Аласярми, до столкновения с реальными радостями и трудностями сельской действительности. Только среди народа, в практической деятельности, именно там, где ты всего нужнее, можно обрести полную радость отдачи своих знаний, своего труда — к такому выводу приходит Антти. В соприкосновении с действительными трудностями, еще не преодоленными в сельской жизни, Антти почувствовал, что знания его, получаемые в сельскохозяйственном вузе, далеко непрочно, оторваны от практики. То, что Антти считал образованием и высокой культурой: умение одеваться и танцевать по последней моде, говорить об искусстве, музыке, политике — оказалось пустым фразерством и позой перед действительно высокой народной культурой сельской молодежи, куда глубже его разбирающейся и в вопросах сельского хозяйства, и в политике, и в музыке, и в искусстве. Антти понимает теперь, уезжая из Аласярми, многое по-иному. Он увозит с собой веточку цветущего вереска, ставшего для него особенно дорогим, напоминавшим родную деревню и любимую девушку. Он увозит с собой образы дорогих ему людей и их заботы, чтобы вернуться сюда после окончания института и остаться здесь навсегда.

Быть верным народу, трудиться и жить вместе с народом, отдавать ему свои знания и силы — в этом подлинное счастье человека, его красота и смысл его жизни.

Так раскрывается идейный замысел повести «Летние ночи», подчеркнутый словами народной поговорки, взятой автором в качестве эпиграфа: «Только тот достоин жить в своей стране, кто живет интересами ее народа».

Нельзя согласиться с выдвинутым Т. Сумманеном положением в его рецензии на книгу повестей П. Пертту. «Пертту видит, — пишет Т. Сумманен, — все сквозь лирическую дымку белой ночи. Он словно забывает, что в реальной жизни есть и трудности...»¹. Это положение надуманное, не соответствует действительности и противоречит рецензии. По сути дела рецензент зачеркивает этими словами своеобразие художественной палитры писателя, которой Сумманен тут же восхищается:

«Читая повести Пертту, вдруг замечаешь, что есть в его манере письма, в его творческом своеобразии что-то похожее на этот северный цветок (вереска. — М.П.). В его палитре нет броских красок, а преобладают полутона, мягкие, прозрачные и приятные»²; или: «Повесть «Летние ночи» как-то удивительно цельна и едина по настроению и композиции. В ней все — и спокойное описание сельских будней и лирические раздумья, и переживания героев, и их взаимоотношения, и блестящие юмора, рассыпанные по всей повести, и картины летних вечеров, — все это звучит, как поэтический сказ о родном карельском крае, о его людях»³.

Если все так художественно цельно в повести П. Пертту, то чем же вызван призыв Т. Сумманена, обращенный к П. Пертту, — «избавиться от ложной поэтизации»?⁴

¹ Т. Сумманен. Повести П. Пертту, стр. 167—168.

² Там же, стр. 167.

³ Там же, стр. 168.

⁴ Там же, стр. 168.

Не сквозь «дымку белых ночей» смотрит Пертту на жизнь. Его повести правдивы и жизненны, они отражают реальные трудности, встречающиеся в жизни. Но Пертту как писатель самобытен. Его манера отлична от художественной манеры многих карельских писателей. Он не относится к числу тех художников слова, которые идеи живой жизни проводят со страстью и прямою борца, «агитатора, горлана, главаря», говоря словами В. Маяковского. Его художественное письмо другого плана, в нем нет публицистической заостренности, но нет и «ложной поэтизации», от которой Сумманен, а вслед за ним и другие карельские критики призывают отказаться П. Пертту. Сила Пертту в выразительной психологической характеристике героев, в народности языка, проникновенном изображении природы Карелии и его народа. Художественная манера, избранная Пертту, не противостоит большому, с героическим пафосом, изображению нашей действительности. Она правомерна наряду с другими художественными приемами писателей социалистического реализма. Смысл его повестей, их жизненная правота отнюдь не в идиллическом благодушии перед всем традиционно-национальным, а в поэтизации новых человеческих отношений, рожденных нашим социалистическим строем. За простотой сюжета, обычностью героев Пертту стоит серьезный моральный, общественный смысл. Вместе с тем, в рецензии Сумманена на повести «Залом» и «Летние ночи» чувствуется обеспокоенность тематической ограниченностью творчества П. Пертту. В самом деле, разве история литературы знает примеры, когда бы расширение круга тем, жизненных впечатлений противоречило интересам самого писателя или его художественной манере? Наоборот, оно всегда способствовало росту таланта, полному и всестороннему раскрытию поэтического дарования писателя любого стиля.

Изучение художественного опыта работы карельских писателей Ф. А. Трофимова, А. Н. Тимонена, В. Ф. Бабиц, П. А. Пертту над современной темой показывает, что внимание к внутреннему миру человека, серьезные попытки проникнуть в сложные человеческие отношения и обусловили удачи как в создании своеобразных и одновременно в той или иной степени типических для нашего времени характеров (Федотов, Самоцветова, Вейкко Ларинен, Юрки и др.), так и в решении актуальных морально-этических проблем.

Все более активное и вдумчивое отношение к современной действительности, к традициям русской литературы позволило карельским писателям в последние годы глубже понять главнейшую новаторскую особенность литературы социалистического реализма — поэтизацию жизни людей труда, раскрытие отношений и конфликтов в общественно-трудовой деятельности, тем самым многограннее отобразить духовный облик советского труженика и конфликты, возникающие в живом течении жизни.

Главный недостаток художественных произведений на темы современности в карельской литературе, думается, лежит не в выборе конфликта, внешнего хода событий для сюжета, как утверждают некоторые карельские критики, а в недостаточном «преобразовании» исходного единичного факта в факт художественный, т. е. выражающий собой общие жизненные закономерности.

Очень важно, как совершенно справедливо отмечает Е. Добин в своей книге «Жизненный материал и художественный сюжет», через «сюжетное ядро» раскрыть, развернуть типические человеческие отношения, типические общественные противоречия, типические жизненные

судьбы — все то, что Энгельс в своем знаменитом письме к Маргарите Гаркнесс обнимает словом «типические обстоятельства»¹.

Философской глубины, широты обобщения, той высшей диалектической связи между героями, которая диктуется целостностью и общественной значимостью писательского замысла, в прозе карельских писателей еще нет. На этот существенный недостаток карельской прозы, на «боязнь» карельских писателей «смело вступить на почву, которую Пушкин назвал «далью свободного романа», обращала внимание Т. К. Трифонова².

Осмысление современности в ее глубоком историческом содержании, в крупных масштабах, художественное воплощение характеров героических, овеянных революционной романтикой — важнейшая задача, пока еще не решенная нашей литературой. Карельские писатели в этом отношении должны творчески усвоить передовую традицию русской советской литературы, которая прекрасна прежде всего великой силой примера героя непоколебимой коммунистической убежденности во имя общественных интересов.

Реализация этой традиции на своей национальной почве позволит карельским писателям в полную меру сил осуществить задачу, поставленную Коммунистической партией перед советской литературой на современном этапе, активнее способствовать процессу становления коммунистической морали, росту коммунистической сознательности трудящихся, стремиться к поднятию больших и важных философско-этических проблем, связанных с историческим периодом перехода от социализма к коммунизму. А это значит, надо изучать жизнь советского народа, «надо ее шире обнять, глубже понять! Надо глубже войти в нее»³.

¹ Е. Д о б и н. Жизненный материал и художественный сюжет. М., «Сов. писатель», 1958, стр. 91.

Т. К. Трифонова. Литературная Карелия. «Дружба народов», 1959, № 8, стр. 216.

³ А. М. Горький. Собр. соч., т. 27, М., 1953, стр. 416.